

УДК 94(478)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/49/4

БЕЖЕНЦЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В БЕССАРАБИИ (1918–1921 гг.). ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ ДНЕСТР

О.А. Гарусова

Институт культурного наследия Академии наук Молдовы
Молдова, 2001, г. Кишинев, пр. Штефана чел Маре, 1
E-mail: garusovaolga@mail.ru

Авторское резюме

Рассматривается малоизученный путь эмиграции из России в Бессарабию в годы гражданской войны. Внимание автора сосредоточено преимущественно на ключевом эпизоде «бессарабского маршрута» – переходе через Днестр, в катаклизмах истории ставший пограничной рекой. На материале архивных документов, художественной и мемуарной литературы, бессарабской прессы представлены обстоятельства, мотивы и способы пересечения границы. Интенсивность и состав потоков беженцев определялись как военными действиями на юге России, так и политикой Королевской Румынии по отношению к русским беженцам. «Естественная» географическая граница превратилась в место трагических событий. Днестр в сознании эмигрантов получил различные смысловые и символические трактовки рубежного пространства. Пространственная категория трансформировалась в категорию исторического времени. Опыт беженцев той трагической эпохи высвечивает многие проблемы, актуальные и в наши дни.

Ключевые слова: гражданская война, эмиграция, бегство в Бессарабию, переход через Днестр.

REFUGEES IN BESSARABIA DURING THE CIVIL WAR (1918–1921). CROSSING THE DNIESTER

O.A. Garusova

Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of Moldova
1 Stefan cel Mare Avenue, Chişinău, 2001, Moldova
E-mail: garusovaolga@mail.ru

Abstract

The author examines a less studied way of the Russian emigration to Bessarabia during the Civil War. The attention is focused on the key moment of the “Bessarabian route” – crossing the Dniester, which has become a frontier river in the course of historical cataclysms. Using documents, fiction, memoirs and materials of Bessarabian periodicals, the author reveals the motives, circumstances and methods of crossing the border. The intensity and composition of the refugee flows was determined by the war actions in the south of Russia as well as by the policy of the Romanian Kingdom towards Russian refugees. Thus, the geographical frontier became a place of tragic events. In the minds of emigrants, the Dniester acquired some semantic and symbolic interpretations as of a frontier space. The category of space transformed into the category of historic time. The experience of refugees of that tragic epoch reveals a lot of problems that are topical even nowadays.

Keywords: Civil War, emigration, Bessarabian refugees, crossing the Dniester.

У каждого из нас был свой незабываемый переход о т т у д а.

Саша Черный

Эмиграция из России вследствие Октябрьской революции и гражданской войны происходила по разным направлениям. В южном направлении наиболее исследованы массовые эвакуации белых армий и гражданского населения на кораблях из Одессы и Крыма в Константинополь и далее. «Южная волна прошла через Украину и Крым и вынесла тысячи беженцев на турецкие и балканские берега» (Бочарова 2011: 50).

Менее изучен путь исхода в / через румынскую Бессарабию, которым прошли десятки тысяч беженцев. Историки эмиграции акцентируют внимание на одном из сюжетов – пешей эвакуации зимой 1920 г. военных добровольческих частей, кадетов и беженцев из Одессы к Днестру (Йованович 2005: 88; Бочарова 2011: 50). Некоторые исследователи анализируют в социально-политическом аспекте численность и национальный состав беженцев, т. е. фактические результаты их перемещения в Бессарабию (Власенко 2014а; Власенко 2014б; Власенко 2014с; Guzun 2013).

Для нас объектом интереса является кульминационный эпизод бессарабского маршрута – пересечение Днестра, ставшего пограничной рекой между бывшей Российской империей и Королевской Румынией. Мы попытались рассмотреть под углом «человеческого измерения» истории, как совершался этот памятный, а для многих роковой переход. Конкретные обстоятельства и детали бегства,

чувства навсегда покидавших родную страну людей раскрывают архивные материалы, художественная и мемуарная литература, бессарабская пресса. На микроуровне через призму воспоминаний беженцев показаны события эпохи революций и гражданской войны.

«Послеоктябрьские» беженцы появились в Кишиневе вскоре после прихода к власти большевиков. Это были представители имущих классов, «буржуи», которых новый политический режим вынуждал спасаться первыми. Местная пресса о «знатных иностранцах с севера» отзывалась настороженно: «...провинциалы, удивленные, встревоженные и испуганные тем потоком злобности, беспричинного раздражения и болезненной желчи, которую совершенно неожиданно притащили вместе с многочисленным багажом северные беженцы, хлынувшие шумным и суетливым потоком в благославленные южные края. Петроградская злость. Да, злости в провинции не было. Может быть, потому, что не было выматывающих нервы "хвостов" и потому, что там не так гулко отдавались издегивающие душу лозунги "товарищеской" говорильни» (Руссев 1917: 3).

С занятием в 1918 г. румынскими войсками Бессарабии граница Румынии стала проходить по Днестру¹. Условия ее перехода определялись как постоянно менявшейся властью на территории Левобережья, так и политикой румынской администрации по отношению к беженцам. В Бендерах был устроен пограничный контрольно-пропускной пункт; пройти его при наличии соответствующих документов не представляло особых трудностей. Основной контингент беженцев составляли уроженцы Бессарабии и имевшие с ними родственные узы. Многие из тех, кто давно покинул родные места, считали отъезд временным, надеясь переждать смутные времена.

Для бессарабцев дорога домой была долгой, тяжелой, но сравнительно безопасной и ассоциировалась с путешествием. Трудности поездки из Петрограда весной 1918 г. будущего известного скульптора Александра Пламадялы были для того времени делом обыкновенным: «Поезда ходили нерегулярно, в пути они останавливались среди леса, и все пассажиры пилили дрова, т. к. не хватало угля для топки паровоза; вагоны были переполнены». Левый, «гетмановский» берег Днестра «оккупировали немцы, но они, против всяких ожиданий, пропустили поезд в Бессарабию». Когда Пламадяла отправился обратно, ему пришлось написать по требованию румынского пограничного офицера «обязательство никогда не возвращаться в Бессарабию». Но с апреля по май немцы перестали пропускать поезда через границу, и скульптору пришлось, выкупив свою расписку, вернуться в Кишинев (Пламадяла 1965: 17–18).

Композитор К. Романов пересечения границы и вовсе не заметил, запомнил лишь бытовые неудобства: «2 июля, в день моего рождения, прибыли в Одессу и направились дальше в Бессарабию. <...> Прибытие в Кишинев совершилось в вагоне, по моему определению, пятого класса, то есть в товарном, среди крошечной тьмы, потому что для освещения улиц не хватало тока» (Романов 1947: 23–24).

В традиционном «радищевском» жанре описал свой путь в очерках «Из Петрограда в Бессарабию» Леонид Добронравов. Конкретной причиной отъезда известного писателя, издававшего антибольшевистскую газету, послужило объявление «красного террора» летом 1918 г. К бегству понуждали страх за жизнь – свою и близких, витавшие над умирающим городом призраки голода и эпидемий. «Встречаясь со знакомыми, слышал одни и те же вопросы: “Что дальше будет? Куда ехать?”». Злободневная тема бегства в очерках возникает в образах хаотичного броуновского движения сорванных с насиженных мест тысяч людей, «бежавших от ужаса для неизвестности».

Процедура перехода границы изображена Добронравовым подчеркнуто нейтрально, в «телеграфном» стиле. «Внизу блеснул Днестр, над которым повисла длинная, большая, плетеная коробка моста. Мы поднялись по ступеням, вырытым в высоком откосе берега. Небольшой деревянный домик. Позади него за деревянным столом сидят два австрийца. Я предъявил им документ». После бюрократической проволочки разрешалось пройти при согласии румынской стороны. «Направился по мосту под высокими плетеными железными сводами. Собирая полузабытые отрывки молдавского наречия, я с трудом объяснил, в чем дело. – Покажите документы... так... вы бессарабец родом? – Бессарабец. – Метрическое свидетельство есть? – Есть. – Передайте австрийцам, что мы вас пропускаем». Таможни, пересадки, проверка документов, все самое трудное осталось позади, там, за стальной лентой Днестра» (Добронравов 1920: 2–3).

Для тех, кто не имел легальной возможности попасть в Бессарабию, благополучный финал зависел от стечения обстоятельств, расположения военного начальства, наличия денег. С падением власти Скоропадского из прилегающих к Днестру местностей на правый берег устремились спасавшиеся от петлюровцев помещики, дворяне, промышленники. В дневнике княгини Е.Н. Сайн-Витгенштейн описан переход в ноябре 1918 г. ее семьи из Могилева-Подольского в бессарабское местечко Атаки. На мост украинские солдаты пустили после получения мзды за вещи. «Посредине моста лежит рельс – граница между Украиной и Румынией. Тут нас встретили румынские солдаты. <...> Плохо нам пришлось на мосту: в продолжение трех с лишним часов нас не пускали пройти. То говорили, что можно, то гнали снова

назад. <...> Под нашими ногами, на большой глубине, величественно и мощно бурлил между быками холодный зеленый Днестр». Пытаясь установить контакт с румынскими солдатами, сестра княгини обратилась к ним на итальянском языке. Комендант, запрещавший проход, «подскочил как на рессорах и заболтал по-итальянски: рассказал, что учился в Италии, любит ее, расспрашивал нас. Под его болтовню мы перешли через мост». Затем пропустили и других беженцев, в основном жен офицеров, оставшихся защищать город. После того как большевики заняли Могилев, граница закрылась; беженцы пытались примкнуть к военнопленным, отправлявшимся на лодке раз в сутки на бессарабский берег. Солдаты не всегда выпускали пассажиров на берег, стреляли по лодкам, избивали переправившихся (Сайн-Витгенштейн 1986: 245–246).

Потоки беженцев в Бессарабию были различными по интенсивности и социальному составу. Их всплески обуславливались ходом военных действий и политическими событиями на юге России. «Массу беженцев» из-за Днестра весной 1919 г. вызвали провал французской интервенции и уход из Одессы армии генерала А.И. Деникина.

Из-за ужесточения в 1919 г. пограничного контроля на румынскую территорию можно было попасть лишь по особым пропускам. Официальные румынские власти то давали разрешения, то неожиданно их отменяли. Так, поначалу правительство позволило отряду отступивших из Одессы добровольцев перейти границу у Рыбницы. К моменту перехода это решение было отменено без объяснения причин. Пришлось вернуться в Тирасполь, куда «стекалось с разных сторон множество украинских частей, теснимых большевиками». Один из добровольцев так описал картину наступления Красной армии: «Огонь орудийный буйно кромсал вокзал и окраины города. Зарево пожара разливалось все шире и шире с каким-то злым гудением... Толпы людей, испуганные лошади, сорвавшиеся с коновязей, – все это мчалось беспорядочно и скомкано к берегу Днестра – увя! – без надежды перебраться на бессарабскую сторону. <...> никто не останавливался: вся 24-тысячная масса бежала к берегу». Румыны категорически отказали в переходе границы, отправив переговорщиков назад «с большими угрозами» и перекрыв Бендерский мост патрулями. Когда генерал Зелинский привез от короля Фердинанда разрешение на пропуск через Бессарабию к Петлюре, «все ринулись к мосту, патрули растерянно потеснились назад. <...> Несколько солдат с бомбами и винтовками остановились у входа на мост, регулируя движение, стали пропускать текущие лавины. Одновременно по путям медленно тянулись паровозы, таща за собой бедные остатки эшелонов. <...> по бокам путей шли, не торопясь, люди». Мост взорвали французские

саперы, когда по нему еще шел поезд; несколько вагонов с ранеными упали в воду, и «жалобные крики их глухо замерли под горами железа, обрушившегося в бурный Днестр» (Коноплин 1922: 93–97). Вместе с военными на правый берег прошли и гражданские лица.

После взрыва Бендерского моста железнодорожное сообщение было прервано, по всей приднестровской линии установили пограничные посты, на несколько месяцев прекратила работу комиссия по пропуску бессарабцев. Граница закрылась не только для военных частей, но и для гражданского населения. Румынские власти решительно выступали против приема беженцев из России, аргументируя «высшей необходимостью безопасности страны». Страх распространения большевизма и «русской анархии» усилился после Хотинского и Бендерского восстаний.

Новый поток беженцев пришелся на зиму 1920 г. в результате поражения Добровольческой армии. «Политические события на левой стороне Днестра заставляют думать о тех тысячах людей, которые, лишенные крова, спасаясь от смерти, будут искать себе спасения, – писала газета «Бессарабия». <...> Понятно, что все те, кто имеет хоть какое-то отношение к Бессарабии, постараются проникнуть к нам, в поисках спасения и порядка» (Бессарабия 1920: 2). По информации прессы, обращение деникинского командования и союзников к правительству Румынии с просьбой перейти на румынскую территорию встретило «весьма серьезные затруднения. Войска <...> идут из местностей, пораженных чумой и насыщенных большевистской пропагандой. Разрешение массового входа может нарушить внутренний порядок и безопасность». Учитывая мнение союзных государств, предполагалось принять беженцев, но «ни в каком случае большого числа». «Остальные должны быть эвакуированы союзным флотом через Черное море в Грецию и другие места» (Телеграммы 1920: 2). Согласно предписанию правительства, беженцам и военным частям был запрещен вход на румынскую территорию (НАРМ 1: 347).

Накануне оставления Одессы англичане, которые вели переговоры с правительством Румынии, гарантировали проход через румынскую территорию в Польшу группы войск генерала Н.Э. Бредова. Подойдя к Днестру, отряд военных с «массой женщин, детей и различного гражданского люда» узнал, что в переходе границы им отказали. Тех, которые пытались перейти, пограничная стража останавливала выстрелами. После безрезультатных переговоров и оставшихся без ответа телеграмм правительству было решено идти вдоль Днестра в Польшу (Штейнман 1921).

Жесткая позиция румынской администрации и военного командования по отношению к деникинским добровольческим форми-

рованиям и беженцам, искавшим спасения в Румынии, привела к трагическим последствиям. Один из самых драматичных сюжетов пути в Бессарабию – «овидиопольский поход» в январе–феврале 1920 г. – детально изложен в эмигрантской мемуаристике. Не успевшие присоединиться к колонне Бредова военные, не попавшие на корабли в Константинополь кадеты и гражданские беженцы с боями шли к Овидиополю в надежде через замерзший лиман перейти в Бессарабию. Румыны встречали подошедших к Днестру орудийными выстрелами, предупреждая об отказе пропустить через границу. Через установленный на льду пропускной пункт были допущены только уроженцы Бессарабии и иностранные подданные. После долгих переговоров комендант Аккермана распорядился пропустить кадетов, которых разместили в гимназии, а на следующее утро приказал немедленно вернуться в Овидиополь, не позволив дожидаться ответа на посланную королеве Марии телеграмму с просьбой пропустить в Румынию. Ответ запоздал. Личное заступничество королевы спасло лишь незначительную часть кадетов, уцелевших во время переходов с одного берега на другой (Кадеты 2003: 64–66).

Еще более тяжкая участь постигла отряд генерала Васильева, отступившего к селу Раскаецы. «С большими усилиями генералу удалось уговорить коменданта, чтобы людям была дана возможность отогреться и переночевать в селе, так как они едва держались на ногах от усталости и между ними была масса больных». Под угрозой сжечь деревню крестьянам запрещали помогать беженцам. Утром было приказано немедленно возвратиться на правый берег. По толпе уходивших, где были женщины и дети, еще в селе, а затем и на переправе румыны открыли пулеметный огонь. Оставшихся в селе больных и раненых солдаты выгоняли, отнимая «все, что было при них, снимая даже верхнюю одежду и отбирая силой кошельки с деньгами, часы, кольца и прочее». Тысячи людей оказались в днестровских плавнях, «не зная, что делать и на что решиться. Голодные и усталые, при морозе в 12 градусов они были в безвыходном положении. Многие не выдерживали и лишали себя жизни». От перешедших на левый берег добровольцев вооруженные винтовками, топорами и кольями крестьяне требовали сдаться большевикам. «Они держали себя дерзко и под видом обыска начали грабить и снимать с присутствующих верхнюю одежду, угрожая в случае сопротивления применить оружие». После того как из Бухареста пришло распоряжение не отправлять раненых и больных обратно, отдельные группы беженцев были допущены на румынскую территорию. «Многие, главным образом воинские чины, перешли потом в разных местах группами и в одиночку Днестр и попали в Румынию.

Многие из них были вновь возвращены румынами на русский берег, а часть осталась в Румынии и была отправлена впоследствии в г. Тулча» (Рапорт 1998: 58–65).

При всех ужасах того времени действия недавних союзников-румын по отношению к русским беженцам воспринимались как «нравственно бесчеловечное, зверски-жестокое и совершенно непонятное злодеяние». «Овидиопольский поход» его участники сравнивали с крестным путем на Голгофу. Тысячи людей были ранены, убиты, замерзли в плавнях во время многочасовых ожиданий перехода на льду в студеную зиму, под пулеметным огнем румынских военных, в боях с красными... Трагедии на Днестре удалось бы избежать при соблюдении международных гуманитарных обязательств и договоренностей со странами Антанты.

Политика Румынии по отношению к беженцам в большой степени определялась «бессарабской проблемой». Пока союзные державы решали вопрос о будущих границах королевства, пока шел дипломатический торг вокруг Бессарабии, румынское правительство отказывалось принимать беженцев. Категорическая позиция несколько изменилась после признания «суверенитета Румынии над территорией Бессарабии» и подписания с правительствами Англии, Франции и Италии Парижского протокола от 28 октября 1920 г. Свою роль сыграло и давление стран Антанты по вопросу приема и размещения беженцев.

По утверждению прессы, «власти не относятся с прежней суровостью к тем, кто самовольно перешел границу», т.е. наказание в виде длительного тюремного заключения уже не практиковалось (В мертвом 1920: 2). Находившимся в стране русским и еврейским беженцам с Украины было разрешено проживать в Румынии на основании выдаваемых бригадами сигуранцы особых удостоверений личности (*bilet de libere petrectre*). Были определены категории бессарабцев-репатриантов, для пропуска которых учреждались специальные комиссии². В то же время местной военной администрацией издавались директивы, предупреждавшие, что не входившие в означенные категории «не будут приняты ни под каким мотивом, каково бы ни было положение за Днестром» (Извещение 1920: 4).

Несмотря на гибельный риск, приток беженцев не прекратился, а с разгромом белого движения лишь усилился. Единственным способом попасть в Бессарабию было нелегальное пересечение границы. К весне 1921 г. заметно возросла волна беженцев, «спасающихся из России и в значительном количестве переходящих контрабандным путем р. Днестр, минуя румынскую стражу. Большой процент этих беженцев составляет еврейское население Волыни и Подолии, отчасти даже

Киевской губернии, которое неудержимо стремится теперь покинуть Россию и толпами переходит в Бессарабию» (ГАРФ: 15). С 1920 по 1922 г. румынское пограничное начальство сообщало о ежедневных задержаниях в прибрежных районах десятков «женщин, мужчин, детей, не имевших никаких связей с Бессарабией». Шли из Москвы, Петрограда, Риги, Орла, Полтавы, Николаева, из центральных российских губерний. Много бежало из Одессы, в основном представителей интеллигенции, «переселявшихся» из одного города в другой, пока не добиралась до Южной Пальмиры.

Уход в Бессарабию стал для многих условием выживания. Тысячи людей, предпринявших опасное предприятие перехода границы, несколько десятков метров, разделявших два берега, воспринимали как «нить, которая может привести в Румынию <...> освободить от голода, холода, издевательств» (НАРМ 2: 127). В одиночку и группами военные и гражданские лица из различных социальных слоев, преодолевая немыслимые трудности и лишения, пытались перебраться через Днестр на бессарабский берег – зимой по льду, летом на лодках, в некоторых местах и вброд, по пояс в воде. Хорошие пловцы просто переплывали реку, как, например, беллетрист Василий Федоров. В автобиографическом романе «Человек задумался» он описал один из возможных вариантов: герой вместе со случайным спутником, бывшим профессором физики Харьковского университета, пересекли Днестр на бревне (Федоров 2011: 164). Чаще всего прибегали к помощи контрабандистов. Переправа беженцев через Днестр превратилась в обширный контрабандный промысел, рискованный, но суливший большие деньги. «Хароны» того времени хорошо на своем «бизнесе» зарабатывали. Существовали целые организации по перевозке беженцев из России.

В фонде сигуранцы НАРМ отложились сотни дел беженцев-незаконных, в которых запотоколированы места ночных переправ, их стоимость, порой подробные описания обстоятельств бегства. Среди мест перехода чаще назывались Вертюжены, Непадово, Хотин, Вад-Рашков, Варница, Криуляны, Сахарна, Липканы, а наиболее распространенным были Дубоссары. Цена услуг контрабандистов росла с увеличением числа беженцев.

Иногда за «проезд» не брали денег, как это произошло с известным петербургским журналистом Петром Пильским, на чьи услуги в будущем рассчитывал перевозчик. Отданный за антибольшевистскую статью под суд революционного трибунала, Пильский сменил немало южных городов, пока не оказался в Одессе. После прихода большевиков три месяца скрывался. Случайно узнал адрес контрабандистов в Дубоссарах, с помощью которых и бежал в августе

1920 г. Из показаний Пильского кишиневской полиции: «24 августа в 2 часа дня уехал из Дубоссар. Недалеко от городка ожидала тележка. Куда везли, не знал. Села объезжали. В 8 часов вечера остановились у острова, до 11 часов перешли на румынский берег. В саду я оставался до 1 часу ночи и потом в 3 часа ночи пришел в Кишинев. С меня не взяли денег. Перевозил Судит – контрабандист, впоследствии также перебравшийся в Бессарабию» (НАРМ 3: 24).

Из Одессы, последнего «города беженцев» на территории России, в Бессарабию бежали целыми семьями. В личном деле бывшего чиновника Н.С. Лебединского подробнейшим образом говорится о перипетиях бегства вместе с его петербургскими знакомыми (балетные танцовщики Е. Смирнова, Б. Романов, Н. Обухов, поэт П. Потемкин, оперные певцы В. Каравья, Е. Лучезарская, одесский антрепренер С. Бискер – всего, с членами семей, 17 человек). Чтобы скрыть настоящую цель предприятия, было решено организовать труппу под предлогом гастрольной поездки с концертами.

Доставить беглецов на правый берег пообещал в течение трех дней «некто Ясский». 18 ноября, взяв самые необходимые вещи, «театральная труппа» отправилась на подводах в тираспольском направлении. Хотя маршрут и сценарий переправы были отлажены повседневной практикой, беспрестанно случались сбои. Пришлось переезжать из одного предполагаемого места сбора в другое – из Тирасполя в Григориополь, затем в Дубоссары... Несколько ночей подряд безуспешно ждали у Днестра лодку. «Каждый такой поход на берег сопровождался пропажей чьего-нибудь чемодана». Однажды, вернувшись в очередной раз «с разбитыми надеждами» в село, «гастролеры» узнали о том, что в Одессе ходят слухи об их бегстве. Избежать ареста удалось по счастливой случайности: председателем Особого отдела, где пришлось зарегистрироваться, чтобы отвлечь подозрения, оказался актер, служивший когда-то у Бискера в еврейской труппе. С каждым днем ожидания возрастала такса. За дорогу, а затем за переезд на правый берег запросили с каждого пассажира двойную цену. Требуемую сумму не все имели. Недостающую часть возместили деньгами и золотыми вещами Романов, Смирнова и Лучезарская. Ко всем бедам прибавилась и необычно рано установившаяся зимняя погода. Газеты писали, что такого холодного октября не было последние 30 лет.

После двухнедельного ожидания беглецы были переправлены у села Гармацкое по очереди на челноке, в сопровождении шести человек, вооруженных винтовками. Руководил ими некто Яшка, по словам Лебединского, глава организации, переправлявшей подпольщиков (НАРМ 2: 126).

Впоследствии, уже будучи в Кишиневе, Петр Потемкин написал стихотворение «Переход», насыщенное мифологическими образами, в котором Днестр сравнивался с Рубиконом. Поэт выразил чувства, пережитые многими: «Шуршит ледок, / А сердце бьется... А вдруг челнок перевернется / И страшно тем, что нету страха – / Все ужасом в душе сожгло. / Пусть вместо лодки будет плаха. На ней топор, а не весло – / Ах, только бы перегребло!» В «Переходе» переправа на бессарабский берег осмысливается в бытийных категориях «жизнь – смерть», река интерпретируется как пространство экзистенциальное, равно сулившее гибель или спасение (Потемкин 1928: 62–65).

Не всем беглецам после долгих скитаний по приднестровским селам удавалось успешно и без потерь перейти днестровский Рубикон. Нередко в последние минуты их грабили сообщники перевозчиков. Ради обогащения контрабандисты использовали всевозможные махинации. В одной из парижских газет была опубликована история, приключившаяся с бывшими редактором «Русского слова» Ф. Благовым и сотрудником «Киевской мысли» М.С. Мильрудом. «Контрабандисты усадили их семьи в лодку, получили деньги и пожелали счастливого пути. Но лодка оказалась с фальшивым дном. В дне была прорезана “форточка”, которая на середине реки вдруг выпала, и лодка со всеми чемоданами пошла ко дну». Никто не умел плавать, кроме супруги Мильруда – «первоклассного пловца», которая и помогла всем добраться до берега. Этот фокус проделывался ради чемоданов, которые контрабандисты затем доставали со дна реки (Флейшман 1997: 73).

По счастливой случайности спаслась петербургская оперная певица Мария Тобук-Черкасс, попавшая в Каменке «в лапы одного индивидуума, который уже немало отправил людей не на румынский берег Днестра, а просто в Днестр, заполучив деньги за перевоз авансом – их правило, которое оспаривать не приходится ввиду таинственности всей авантюры» (Кривецкая 1920: 3).

В личных делах нелегально перешедших Днестр на вопрос о мотивах бегства чаще всего находим простой ответ – «бежал от большевиков». Это не всегда означало осознанный политический выбор. Люди покидали свои дома из-за войны, хаоса, страха за свою жизнь, из-за террора, разгула бандитизма, голода. В «бег» вовлекались и спонтанно, следуя «року событий». Историк А. Болдырь, один из немногих назвавший национальный мотив своего возвращения в Бессарабию, отмечал: «Бегут из России и от преследований, и от тяжелого материального положения. Существуют среди беженцев и такие, кто не дает себе ясного отчета, почему именно. Какое-то смутное чувство недовольства снимает их с насиженных мест» (Болдырь

1924). Точное число беженцев из-за Днестра установить невозможно из-за трудности при регистрации их непрерывного притока. На основании разного рода источников можно предположить, что границу пересекли не менее 100 тысяч человек.

В воспоминаниях беженцев переход через границу описан как преодоление рубежа, переход из одного мира в другой. Днестр превратился в место исторической драмы с характерными для того времени обозначениями-эпитетами – «бесстрастный», «холодный», «стальная нить», «река смерти»... Никто не знал, что их ждет на правом «спасительном» берегу. Надеялись укрыться в благополучной и сытой, как казалось, Бессарабии, задаваясь теми же вопросами, что звучали в финальных строках потемкинского «Перехода»: «Когда вернусь? И все вернется»? Мало кто предполагал, что жизнь переменялась кардинально и судьба превратит их в эмигрантов.

Для большинства беженцев Кишинев стал транзитной станцией на пути в Европу и Америку. Для осевших в Бессарабии – конечным пунктом маршрута. История бегства отпечаталась в эмигрантских биографиях, разделив время на прошлое и настоящее, актуализировав само понятие «переход границы» как место, значимое для понимания исторического процесса.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Власть на территории Левобережья во время гражданской войны до окончательной победы большевиков в 1920 г. постоянно менялась. Поскольку советское правительство считало Бессарабию оккупированной областью, Днестр не был признан в качестве границы между двумя государствами; в официальных документах неизменно подчеркивалось, что река является демаркационной линией между СССР и Румынией. Не утвержденная де-юре, де-факто это была граница.

2. Согласно распоряжению военного министра, бессарабцы имели право возвратиться на родину, если они принадлежали к следующим категориям: 1. «Те, которые родились в Бессарабии или жили в ней и оставили родину, будучи мобилизованными. 2. Те, из подходящих к первому пункту, которые уехали из Бессарабии в последний год перед войной или в продолжение ее для продолжения образования или службы в других провинциях. 3. Те, которые не родились в Бессарабии, но фактически жили в ней много раньше присоединения Бессарабии к Румынии и уехали из Бессарабии, как указано в пунктах 1 и 2, и только в том случае, если имеют в Бессарабии жену, родителей или детей, или же личное имущество. Воспрещается возвращение во всех случаях бессарабцев: 1. Если они оставили Бессарабию после при-

соединения ее к Румынии для участия в русской армии. 2. Если они известны органам генеральной сигуранцы как участники организаций, работающих против румынского государства» (Бессарабия 1921).

Бендерский мост. Фото из журнала «Красная Бессарабия». 1933. № 1.

ЛИТЕРАТУРА

- Бессарабия 1920 - Бессарабия и беженцы // Бессарабия. 1920. 18 янв. № 12.
Бессарабия 1921 - Бессарабия. 1921. 19 (6) июля. № 151.
Болдырь 1924 - *Болдырь А.В.* Через Днестр из России // Наша речь. 1924. 20 дек. № 293.
Бочарова 2011 - *Бочарова З.С.* Российское зарубежье 1920–1930-х гг. как феномен отечественной истории: Учеб. пособие. М.: АИРО-XXI, 2011.
В мертвом 1920 - В мертвом доме // Бессарабия. 1920. 18 сент. № 207.
Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. Р-5680. Оп. 1. Д. 65. С.А. Поклевский-Козелл – М.И. Гирсу 25 марта (7 апреля) 1921 г.
Власенко 2014а - *Власенко В.* Формирование украинской политической эмиграции в Румынии в межвоенный период (первая волна) // Русин. 2014. 1 (35). С. 105–120.
Власенко 2014б - *Власенко В.* Вторая волна межвоенной украинской политической эмиграции в Румынии (зима-весна 1920 г.) // Русин. 2014. № 2 (36). С. 270–284.
Власенко 2014с - *Власенко В.* Третья волна межвоенной украинской политической эмиграции в Румынии // Русин. 2014. № 4 (38). С. 99–114.
Добронравов 1920 - *Добронравов Л.* Из Петрограда в Бессарабию // Бес-

сарабия. 1920. 27 апр. № 96; 30 мая. № 127.

Извещение 1920 - Извещение // Бессарабия. 1920. 21 нояб. № 209.

Йованович 2005 - *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940. М.: Русский путь, 2005.

Кадеты 2003 - Кадеты и юнкера в белой борьбе и на чужбине. М.: Центрполиграф, 2003.

Коноплин 1922 - *Коноплин И.* Безкrestные могилы. Очерки из недавнего. Берлин: Труд, 1922.

Кривецкая 1920 - *Кривецкая М.П.* Правда о России // Бессарабия. 1920. 3 (16) окт. № 228.

НАРМ 1 - Национальный архив Республики Молдова (далее НАРМ). Ф. 680. Оп. 1. Д. 3195.

НАРМ 2- НАРМ Ф. 680. Оп. 1. Д. 7. Протокол допроса Лебединского. Л. 126–130.

НАРМ 3 - НАРМ Ф. 680. Оп. 1. Д. 3184. Дело о высылке Пильского П. 1920–1927.

Руссев 1917 - *Руссев Е.* Гости с севера // Бессарабская жизнь. 1917. 4 нояб. № 251.

Пламадяла 1965 - *Пламадяла О.* Александр Пламадяла. Жизнь и творчество. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1965.

Потемкин 1928 - *Потемкин П.П.* Избранные страницы. Париж, 1928. С. 62–65.

Рапорт - Рапорт начальнику русского гарнизона г. Варны от полковника Николаенко об отступлении группы добровольческих войск из Одессы в январе 1920 г. 29 мая 1920 г. // Русская военная эмиграция 1920–1940. Т. 1. Книга первая. Исход. М.: Гея, 1998.

Романов 1947 - *Романов К.* Мое жизнеописание (рукопись). 1947 // НАРМ. Ф. 2983. Оп. 1. Д. 44.

Сайн-Витгенштейн 1986 - *Сайн-Витгенштейн Е.Н.* Дневник. 1914–1918. YMCA-PRESS, 1986.

Телеграммы 1920 - Телеграммы // Бессарабия. 1920. 23 янв. № 15.

Федоров 2011 - *Федоров В.* Человек задумался (Главы из романа). Ч. I // В поисках минувшего. Из жизни Русского зарубежья: очерки, беседы, документы / Авт.-сост. В.П. Нечаев. М.: Книжница; Русский путь. 2011. С. 150–184.

Флейшман 1997 - *Флейшман Л., Абызов Ю., Равдин Б.* Русская печать в Риге: из истории газеты «Сегодня» 1930 годов. Кн. I. На грани эпох. Stanford, 1997.

Штейнман 1921 - *Штейнман Ф.* Отступление от Одессы (январь 1920 г.) // Архив русской революции. Берлин, 1921. Т. 2.

Guzun 2013 - *Guzun V.* Indezirabilii: aspecte mediatice, umanitare și de securitate privind emigrației din Uniunea Sovietică în România interbelică. Cluj-Napoca: Argonaut, 2013.

REFERENCES

Bessarabiya. (1920) Bessarabiya i bezhentsy [Bessarabia and refugees]. 18th January.

Bessarabiya. (1921) Bessarabiya [Bessarabia]. 19th (6th) July.

Boldyr, A.V. (1924) Cherez Dnestr iz Rossii [Crossing the Dniester from Russia]. *Nasha rech'*. 20th December.

Bocharova, Z.S. (2011) *Rossiyskoe zarubezh'e 1920–1930-kh gg. kak fenomen otechestvennoy istorii* [The Russian Abroad 1920 – 1930s as a Phenomenon of National History]. Moscow: AIRO-XXI.

Bessarabiya. (1920) V mertvom dome [In a dead house]. 18th September.

Poklevskiy-Kozell, S.A. (1921) *S.A. Poklevskiy-Kozell – M.I. Girsu 25 marta (7 aprelya) 1921 g.* [S.A. Poklevsky-Kozell to M.I. Girsu on March 25 (April 7), 1921]. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R-5680. List 1. File 65.

Vlasenko, V. (2014a) Formirovanie ukrainskoy politicheskoy emigratsii v Rumynii v mezhoennoy period (pervaya volna) [The formation of the Ukrainian political emigration in Romania in the interwar period (the first wave)]. *Rusin.* 1 (35). pp. 105–120. DOI: 10.17223/18572685/35/9

Vlasenko, V. (2014b) Vtoraya volna mezhoennoy ukrainskoy politicheskoy emigratsii v Rumynii (zima-vesna 1920 g.) [The second wave of the inter-war Ukrainian political emigration in Romania (winter-spring 1920)]. *Rusin.* 2 (36). pp. 270–284. DOI: 10.17223/18572685/36/17

Vlasenko, V. (2014c) Tret'ya volna mezhoennoy ukrainskoy politicheskoy emigratsii v Rumynii [The third wave of the interwar Ukrainian political emigration in Romania]. *Rusin.* 4 (38). pp. 99–114. DOI: 10.17223/18572685/38/7

Dobronravov, L. (1920) Iz Petrograda v Bessarabiyu [From Petrograd to Bessarabia]. *Bessarabiya.* 27th April.

Bessarabiya. (1920) *Izveshchenie* [Notification]. 21st November.

Jovanovic, M. (2005) *Russkaya emigratsiya na Balkanakh: 1920–1940* [Russian Emigration in the Balkans: 1920–1940]. Moscow: Russkiy put'.

Volkov, S.V. (ed.) (2003) *Kadety i yunkera v beloy bor'be i na chuzhbine* [Cadets in the White Struggle and Abroad]. Moscow: Tsentrpoligraf.

Konoplin, I. (1922) *Bezkrlestnyya mogily. Ocherki iz nedavnego* [Graves Without Crosses. Essays from the Recent Past]. Berlin: Trud.

Krivetskaya, M.P. (1920) Pravda o Rossii [The truth about Russia]. *Bessarabiya.* 3rd (16th) October.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 680. List 1. File 3195.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 680. List 1. File 7.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 680. List 1. File 14473.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 680. List 1. File 3184

Russev, E. (1917) *Gosti s severa* [Visitors from the North]. *Bessarabskaya zhizn'*. 4th November.

Plamădeală, O. (1965) *Aleksandr Plamadyala. Zhizn' i tvorchestvo* [Alexander Plamădeală. Life and Art]. Chișinău: Kartya Moldovenyaske.

Potemkin, P.P. (1928) *Izbrannye stranitsy* [Selected Pages]. Paris: [s.n.]. pp. 62–65.

Nikolayenko (1998) Raport nachal'niku russkogo garnizona g. Varny ot polkovnika Nikolaenko ob otstuplenii gruppy dobrovol'cheskikh voysk iz Odessy v yanvare 1920 g. 29 maya 1920 g. [Report to the Chief of the Russian Garrison of Varna from Colonel Nikolayenko on the retreat of a group of volunteer troops from Odessa in January 1920. May 29, 1920]. In: Zolotarev, V.A. (ed.) *Russkaya voennaya emigratsiya 1920–1940* [Russian Military Emigration in 1920–1940]. Vol. 1. Moscow: Geya.

Romanov, K. (1947) *Moe zhizneopisanie (rukopis') 1947* [My life story (manuscript). 1947]. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 2983. List 1. File 44.

Sain-Wittgenstein, E.N. (1986) *Dnevnik. 1914–1918* [Diary. 1914–1918]. YMCA-PRESS.

Bessarabiya. (1920) Telegrammy [Telegrams]. 23rd January.

Fedorov, V. (2011) *Chelovek zadumalsya* (Glavy iz romana) [The man is thinking (Chapters from the novel)]. In: Nechaev, V.P. (ed.) *V poiskakh minuvshogo. Iz zhizni Russkogo zarubezh'ya: ocherki, besedy, dokumenty* [In Search of the Past. From the Life of Russians Abroad: Essays, Talks, Documents]. Moscow: Knizhnitsa; Russkiy put'. pp. 150–184.

Fleyshman, L., Abyzov, Yu. & Ravdin, B. (1997) *Russkaya pechat' v Rige: iz istorii gazety "Segodnya" 1930 godov* [The Russian press in Riga: From the history of the newspaper "Segodnya" in the 1930s]. Book I. Stanford: Dept. of Slavic Languages and Literatures.

Steinman, F. (1921) *Otstuplenie ot Odessy* (yanvar' 1920 g.) [Retreat from Odessa (January 1920)]. In: *Nabokov, V.D. et al. Arkhiv russkoy revolyutsii* [Archive of the Russian Revolution]. Vol. 2. Berlin: Slovo.

Guzun, V. (2013) *Indezirabilii: aspecte mediatice, umanitare și de securitate privind emigrațueu din Uniunea Sovietica in România interbelica* [Undesirables: Media, Humanitarian and Security Issues on Emigration from the Soviet Union to Interwar Romania]. Cluj-Napoca: Argonaut.

Гарусова Ольга Андреевна – научный сотрудник Института культурного наследия Академии наук Молдовы (Молдова).

Garusova Olga - Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of Moldova (Moldova).

E-mail: garusovaolga@mail.ru